
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, ПОСТМОДЕРН И НЕОТРАЙБАЛИЗМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИДЕОЛОГИЮ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ВОССТАНИЯ МЕНЬШИНСТВ»

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. —
М.; СПб.: Университетская книга, 2013. — 237 с.**

В последние десятилетия мир вокруг нас заполнен непрекращающимися дискуссиями, зачастую выливающимися в реальные социальные действия вплоть до акций протеста, о том, на что могут и должны претендовать разного рода субкультурные группы и меньшинства (в самом широком смысле этого слова), и потому само название работы Л.Г. Ионина прекрасно диагностирует изменение исторического вектора общественного развития — с обозначенного Х. Ортега-и-Гассетом восстания масс на аналогичное по своим масштабам, радикальности и последствиям восстание меньшинств. Эта аллюзия прекрасно считывается из названия книги и упоминается в тексте, но не она является его рефреном — скорее читателя постоянно отвлекает и даже несколько раздражает другая особенность работы: завуалированная, но жесткая критическая тональность, которая редко выражается открыто — чаще автор искусно вплетает ее в нейтрально (например, книга посвящена «подъему активности и росту влияния меньшинств» как «симптому движения к новым формам социальной организации и общественной морали» под общим именем «общество меньшинств» — с. 2) или спорно звучащие утверждения (например, что группы меньшинств не только разнообразны, но и, «как правило, агрессивны настроены», хотя и различаются «по своему аномическому потенциалу, т.е. по способности разрушительно воздействовать на сплоченность общества и общественную мораль» — с. 5).

Книга фактически представляет собой образец грамотного построения социологического текста: от общих концептуальных положений, характеристики тенденций социального развития и уточнения категориального аппарата «препарирования» симптоматики общества меньшинств автор переходит к уточнению, какие именно инструменты и форматы меньшинства имеют в своем арсенале для стремительного броска на авансцену социальной истории.

Уже в предисловии автор совершенно недвусмысленно обозначает свою принципиальную радикально-критическую позицию (что, впрочем, не мешает ему затем более чем на двухстах страницах текста конструировать корректный научно-исследовательский нарратив, пусть и проникнутый горьковатой риторикой сожаления о неизбежных грядущих изменениях социального порядка), согласно которой отставание российского общества от «некоторых авангардных стран» с точки зрения успешности восстания меньшинств, — совсем не то, о чем стоило бы сожалеть, потому что «это отставание на пути, чреватом саморазрушением общества» (с. 5).

В первой главе «Идеология меньшинств» автор схематично воспроизводит историю формирования идеологии модерна с его культом новизны, полагая, что именно он стал той «своего рода рамочной идеологией, которая обусловила и обуславливает появление групп меньшинств, их агрессивный характер и их право на признание и на господство над более многочисленными и функционально ценными общественными группами» (с. 7).

В книге показано, как в ходе характерного для позднего модерна, или пост-модерна, процесса индивидуализации сначала возникают индивидуальные особенности личности, которые могут восприниматься окружающими как отклонения, а затем они маркируются как основания, по которым человек может причислить себя или быть отнесен окружающими к группе меньшинств.

Автор обращается к работе Э. Гумбрехта, обозначая разные контексты употребления слова «модерн» (с. 8): современное просто противопоставляется предшествующему; современное как «новое» (переживаемое сегодня) противопоставляется «старому» (прошедшие эпохи), и в этом значении наиболее привычно для повседневного языкового бытования; современное как «преходящее» (неизбежно будет превзойдено) противопоставляется «вечному» — последняя трактовка модерна и стала доминантной со второй трети XIX в., зафиксировав ориентированное на будущее, прогрессистское и освободительное его понимание.

Таким образом, если первоначально суть модерна виделась в прогрессистском пафосе (как эстетическом, так и социальном) и господстве принципа рациональности в пику иррациональности традиционных форм морали, верований и институтов (рациональность оказалась воплощена в науке, капиталистической экономике и политической демократии, о чем писали все классики социологии, заложившие «столбовую дорогу понимания модерна, связывающую его с эпохой Просвещения» — с. 15), то к концу XIX в. этот пафос пошатнулся вследствие сомнений и разочарования в прогрессе, а также формирования трактовок модерна как «вечного возвращения одного и того же» (с. 21).

Так, В. Беньямин показал, что капиталистическое сознание отнюдь не столь рационально, как привыкло думать о себе, его рациональность — это миф, легитимирующий его существование наподобие того, как мифы древних народов легитимировали свойственный им жизненный уклад (модерн породил «мир под властью фантазмагорий»). Два столпа и главных мифа модерна — идеи рациональности и новизны/прогресса — сформировали его «мифологическую идейную структуру», и «в этом смысле сама концептуализация модерна в трудах классиков социологии является одним из элементов продуцирования мифов» (с. 23).

Впрочем, постепенно на первый план выходит принцип новизны и разрыва с традицией — новое (антитрадиционное) становится важнее, чем рациональное, ценность обретают институты, которые обеспечивают наш мир постоянной новизной, в частности, модернизация и реформы — сегодня это уже не просто решения или технические процессы, а полноценные социальные институты, формирующие понятийное ядро модерна и являющиеся его основными социальными механизмами.

Важно отметить, что точно так же, как люди реформируют институты, они реформируют и себя — в поисках и принятии новых идентификаций: именно модернизация и обновление индивидов — в общем контексте меняющихся обстоятельств модерна — ведет к появлению групп меньшинств, принадлежать к которым сначала модно, а затем и нормально с неизменным налетом престижа в силу новизны меньшинств и относительно недавнего их выхода на широкую общественную и историческую арену (с. 65).

Вторая глава «Индивиды, категории, группы» посвящена последовательной артикуляции авторской трактовки понятия «меньшинства». Оно отнюдь не имеет статистического характера (с. 68), просто «меньшинство складывается из индивидов, демонстрирующих отклоняющееся, не соответствующее социальной норме поведение», поэтому таковых всегда меньше, чем тех, чье поведение (внешний облик, способ одеваться, сексуальная ориентация или этническая идентификация) укладывается в устойчивые параметры нормы, как бы мы ее ни определяли. Более того, использование каких бы то ни было усредненных цифр не срабатывает потому, что «меньшинственная» характеристика никогда не имеет глобального характера, а захватывает лишь какую-то определенную сторону личности и поведения, которые в целом могут укладываться в параметры нормы. В большей мере соответствуют норме группы, которые «имеют только то общее, что, являясь меньшинствами с относительно легко определяемыми и выделяемыми интересами, сравнительно хорошо могут артикулировать свое существование и попутно организовываться; причем хорошо организовать они могут именно в той мере, в какой за принадлежностью к меньшинству сумеют спрятать все прочие признаки» [3. S. 18]. В наименьшей степени соответствуют норме тоталитарные секты, группы религиозных радикалов в рамках мировых религий, воинствующие националистические и социальные движения — в отличие от почти «нормальных» «умеренных меньшинств» они образуют категорию «фундаменталистов».

Ионин определяет культурный фундаментализм (речь в книге идет преимущественно о культурно инаковых меньшинствах) как процесс (и результат) тотализации определенного культурного стиля с его специфической доктриной, чувствами, нормами и опытом [2. С. 216—221]: индивиды стремятся ко все более и более аутентичной жизни, радикальным образом исключая из нее все неаутентичные элементы, добиваясь как можно большей подлинности, максимально приближенной, а желательно полностью совпадающей с инсценируемой моделью жизненной среды, выстраивая с партнерами по фундаменталистской группе собственную вселенную вещей, взглядов и поступков.

Автор тщательно прорабатывает понятие меньшинства, обращаясь к самым разнообразным источникам — от общедоступной и популярной Википедии до куда менее податливой «Философской энциклопедии», приходя в итоге к выводу, что меньшинство — это, прежде всего и в самом общем смысле, обозначение относительно малочисленной по сравнению с большинством его подгруппы, осознанно и подчеркнуто отличающейся от «господствующей» группы по определенным (расовым, языковым, конфессиональным и пр.) признакам, которые здесь

имеют совершенно иной характер (все вместе или по отдельности), чем общезначимые для большинства ценности и нормы.

По уровню осознания членами группы своей принадлежности к ней Ионин выделяет «статистические группы», или категории (людей объединяет общий признак, но он может иметь настолько «внешний» по отношению к группе характер, что ее «члены» не только не обладают чувством групповой общности, но часто даже не подозревают, что к ней относятся); «агрегаты» — совокупности, «которые демонстрируют время от времени общие интересы, имеют время от времени общие переживания, а потому — в отличие от статистических групп — имеют и некоторые, хотя и ограниченные, несистематические контакты друг с другом» (с. 80); «структурированные социальные единства», или реальные группы в противовес номинальным, или статистическим, обладают «организацией, определенной структурой взаимодействий, сознанием общих ценностей и/или целей, сознанием принадлежности к группе» (с. 81).

Апеллируя к описанному К. Марксом процессу превращения пролетариата из класса в себе в класс для себя, т.е. из «социальной категории» в «социальную группу», осознавшую свое историческое предназначение и готовую к борьбе за свои позиции в обществе с другими классами, Ионин делает вывод, что меньшинства можно и нужно понимать двояко: с одной стороны, это, безусловно, социальная категория, т.е. количественно идентифицируемая совокупность индивидов, обладающих некими специфическими признаками, которые отличают их от количественно доминирующего большинства; с другой стороны, это социальная группа — если его членов отличает высокая степень групповой идентификации, сплоченности и ориентации на общие цели.

В третьей главе «Инструменты меньшинств» автор отвечает на вопрос, «как, при помощи каких инструментов идеологии, в частности, политкорректность и постмодерн, вносятся в сознание меньшинств, становятся их практической идеологией, превращая при этом меньшинства „в себе“ в меньшинства „для себя“, т.е. превращая их в агрессивные меньшинства, какие начинают господствовать в современном мире» (с. 89). Он выделяет «три способа идеологизирования меньшинств»: стихийный (гомосексуалисты, сектанты, националисты, революционеры и т.д.); сознательный и целенаправленный (работают грамотные идеологи, «своего рода меньшинства внутри меньшинств»); внешний (идеологемы вносятся внешними по отношению к меньшинствам силами, которые стремятся превратить их в агентов собственного действия). В тексте три обозначенных способа «индоктринации» рассматриваются на известных исторических примерах применительно к массам, что показывает схожесть инструментов идеологизирования в любых «статистических» ситуациях и подчеркивает «неколичественный» характер выделения меньшинств.

Так, исторически первым инструментом индоктринации выступает «внесение» идеологии в массы внешними по отношению к ним группами (например, это кружки и агитация рабочих приверженцами истин марксизма-ленинизма),

но в процессе практической реализации этот путь постепенно трансформируется в стихийный — будучи «внесенным» в рабочие массы, социалистическое знание стихийно распространялись и в народных. Третий путь — целенаправленная индоктринация «изнутри» в политическом процессе — был описан французским историком О. Кошеном: в случае наличия широкой массы индивидов, инстинктивно ощущающей недовольство существующим положением дел, идеологическое поучение постепенно перестает быть предметом рациональной дискуссии и превращается в оружие легитимации власти руководителей — потребности властного меньшинства становятся императивами для большинства.

Для Ионина Кошен — один из первооткрывателей «закона становления агрессивных меньшинств путем их внутреннего очищения и радикализации» (с. 101), предвосхитившего «механизм подавления индивидуальных отклоняющихся мнений в условиях демократии, открытый в середине XX столетия Э. Ноэль-Нойман и получивший название „спираль молчания“» — когда «большинство полагает, что энергичное и громкое меньшинство выражает взгляды большинства, а потому в страхе перед изоляцией боится высказывать свое иное, чем высказываемое меньшинством, мнение, тем самым поддерживая иллюзию, жертвой которой само является; ...голос большинства оказывается узурпированным меньшинством» (с. 102).

Конечно, людей мотивирует не только боязнь социальной изоляции, но также стремление к уважению и подражание (с. 146). В результате формируется феномен «плюралистического незнания» — «большинство людей ошибается в своем суждении относительно мнения большинства людей. Каждый думает: я не понимаю, что происходит, однако предполагаю, что все остальные понимают, что происходит. И эта ошибка затем мультиплицируется в общественном мнении об общественном мнении» (с. 147).

Другой действенный механизм становления активных (или агрессивных) меньшинств — социальные инсценировки. Утрата идентификации и привычных связей с миром вынуждает индивида либо восстанавливать прежнюю идентичность, либо гибнуть как социальная личность (оба варианта неприемлемы, несмотря на доступность), либо конструировать новую идентичность и новый «мир», основания и образцы для строительства которого в избытке предлагают «зародыши многочисленных и разнообразных альтернативных культурных форм» (меньшинства). В последнем случае речь не идет о возникновении социального интереса, который человек удовлетворяет, обращаясь к новой культурной форме, — он почти механически осуществляет предметную и поведенческую ее презентацию, т.е. культурную инсценировку. Если мир реагирует на нее ожидаемым и предсказуемым способом, то идентификационные поиски завершаются, идентификация стабилизируется, индивидуальная жизнь трансформируется и обретает заданный морально-эмоциональный настрой.

Успешности идентификационных поисков способствует медийное конструирование реальности в интерактивной и коммуникативной среде современного об-

щества. По Ионину, наиболее эффективными и востребованными для «восстания масс» оказались две технологии медийного конструирования реальности — использование ритуалов («цель — сплочение группы» — с. 131) и формирование (а нередко просто инсценировка в различных развлекательных шоу) повестки дня («общественному мнению навязываются определенные схемы протекающих в мире процессов» — с. 138). Ритуалы эксплуатируют экспрессивные и в определенной степени перформансные возможности коммуникации (активное использование значимых символов, скрытые апелляции к культурным ценностям, совместному прошлому, традиции и т.д.), чтобы создавать специфический медиаконтент — «сказки и мифы электронного века» — и быть «смыслопорождающими инсценировками». Установление/инсценировка повестки дня — более рациональный механизм навязывания схем восприятия явлений и процессов посредством их априорно заданного «форматирования».

В заключительной четвертой главе книги «Формы меньшинств» читателю предлагается весьма подробное и насыщенное показательными примерами описание разнообразных форм меньшинств, вышедших на авансцену социальной истории в последние десятилетия. Обращаясь к зиммелевской трактовке моды как порожденной «двоичным человеческим стремлением — путем подражания снять с себя ответственность за выбор и показать себя таким же, как и другие в своей группе, и в то же время утвердить собственную оригинальность (т.е. сказывается как потребность в индивидуальности, с одной стороны, так и потребность в принадлежности к группе, — с другой)» (с. 53) — Ионин показывает, что сегодня меняются критерии социальной стратификации, возникают новые статусные маркеры. Прежнее разделение людей на имущих и неимущих дополняется/вытесняется дихотомией «онлайновые»—«офлайновые», которая оказывается и основанием межпоколенной дифференциации: сегодня не только традиционные культурные, но и традиционные межпоколенческие различия теряют свое значение — формируются медиапоколения, не имеющие гомогенной возрастной или социальной структуры, и критерием статуса становится приобщение к технической инновации.

Современная мода ориентируется не столько на некий «высший класс», сколько на особый «субкультурный модус» — постепенно совокупность специфических ценностей, моделей поведения, вещный мир и язык формируют особые группы с выраженной субкультурной идентичностью. Человек, который перенимает новые для себя, модные способы поведения и т.д., делает это не потому, что хочет быть похожим на некие иные группы, а потому что не хочет быть похожим на самого себя [З. S. 164]. В нынешнем круговороте моды ее содержание формируют не только и не столько зиммелевские «высшие» и «низшие» классы, но и средний, или «креативный» класс, поскольку современная мода ориентируется на субкультурные идентичности, прежде всего «исключенные» из нормального общественно-го процесса (фаны, эмо, хеви метал, криминал и т.п.) — отсюда процессы «изобретения» собственного национального прошлого и настоящего (конструирование этноса и этнической идентичности как «натуральных»), медийно поддержанное

превращение сексуальных меньшинств «из чисто статистической группы в полноценную группу, готовую агрессивно действовать с целью повышения своего статуса и достижения прочих привилегий» (с. 199) и т.д.

«Результатом постмодернистской одержимости идентичностью» Ионин считает и тоталитарные секты, или „психосекты“ (с. 168): в отличие от церкви, членом которой человек оказывается не по собственному желанию, а по факту рождения, секту он выбирает по собственной воле, поскольку это добровольное объединение, куда вступают по желанию. Привлекательность тоталитарных сект объясняется тем, что они обещают индивидам только новую социальную идентичность, всячески маскируя свою суть — «особых авторитарных организаций, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками» [1. С. 22].

Наиболее интересные автору меньшинства — сетевые: в современном мире люди все больше перемещаются в пространстве, и «прерывистость» физического присутствия побуждает нас искать постоянство в виртуальном мире, вступая в ряды киберсообществ. Эта тенденция в полной мере объясняется формированием нового типа человека — «эпохи мгновенности»: во-первых, культура постмодерна просто не рассчитана на «большую историю» и метарассказы — люди вынуждены метаться в сонме нарративов; во-вторых, мораль постмодерна весьма безразлична к последствиям человеческих действий с точки зрения возложения на них внятной ответственности; в-третьих, по мере развития виртуальных сетей традиционные социальные структуры, порождающие идентичность (этнос, нация, государство), теряют свое приоритетное значение; и, наконец, в киберсреде подвижные и «множественные идентичности дают возможность устанавливать как стабильные, устойчивые, так и „пробные“, ни к чему не обязывающие отношения в пределах этих мобильных сообществ» (с. 211).

«Новые цифровые медиа в невиданном ранее масштабе дают возможность самостоятельно выбирать, с кем взаимодействовать. Но за это расширение объема свободы, как всегда, нужно платить. Цена состоит в том, что все больше приходится общаться с людьми, которые мыслят и чувствуют так же, как ты. С одной стороны, это дает прекрасный результат: позволяет человеку жить в гармонии с самим собой. Но с другой стороны, это ведет к самоизоляции группы и замыканию в информационном коконе. В результате глобальная сеть оказывается не в состоянии стать культурным, социальным, экономическим и т.п. игроком глобального масштаба. В частности, мечта о глобальном гражданском обществе оказывается неосуществимой.

В силу отмеченного самозамыкания участников сетевых взаимодействий в информационных коконах или капсулах Интернет в значительной мере сводится к роли технического медиума, используемого, например, для того, чтобы быстро собрать участников демонстрации или флеш-моба. Тем не менее, сеть оказывает свое исключительно важное воздействие на развитие современных социальных

процессов: способствуя возникновению коконов, или капсул, она порождает информационные меньшинства, замкнутые на себя изолированные общности, которые складываются в силу естественного стремления сетей к укреплению и уплотнению. Это своего рода новые сетевые „племена“» (с. 223—224).

Вывод автора в заключении неутешителен: грядет (и уже происходит) неотрайбалистская революция и общество меньшинств, в котором только они претендуют на универсальные права, высокий статус и привилегированное место в системе распределения благ; где традиционную мораль вытесняет (псевдо)моральная легитимация (политкорректность), заменяя «моральную правоту терпимостью как высшей максимой морали», а культура и институт науки деградируют и маргинализируются (с. 229). «Восстание меньшинств есть путь к осуществлению неотрайбалистской утопии... Неотрайбализм есть способ общественной организации, состоящий в сосуществовании множества (относительно) изолированных и (относительно) самодостаточных сообществ меньшинств., а также современная социологическая концепция, представленная в двух вариантах» (с. 236). Первый состоит в том, что институты и культура модернизма подвергаются распаду, и современное общество возвращается к формам социальной сплоченности, характерным для прошлых эпох (по сути, теннисовскому «гемайншафту»). Второй, более многообещающий и близкий автору вариант концептуализации общества меньшинств объясняет его формирование потребностью ухода из массового общества посредством создания замкнутых квазиплеменных общностей («племен») в социальных сетях, основанных не на родовых, а на дружеских, коммунальных, досуговых и других связях (с. 237).

Безусловно, рецензируемая книга интересна и важна для прочтения, причем не только по своим содержательным характеристикам, хотя столь талантливому балансированию на грани между беспристрастным научным изложением объективных фактов и постулатов классических социологических концепций и жесткой, лично окрашенной критикой, несомненно, стоит поучиться. Работу следует рекомендовать и как образец «формальных» качеств хорошего социологического текста: умения предугадывать и заранее парировать возможные критические выпады в адрес автора, а также неверные интерпретации своих высказываний читателями; умения искусно жонглировать классическими и современными моделями и концептами в самых разных контекстуальных фреймах; умения лаконично и предельно понятно, буквально «на пальцах» излагать суть сложнейших социологических концепций, показывая на наглядных примерах их эвристичность для понимания происходящего здесь и сейчас и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2006.
- [2] *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- [3] *Kaube J. Otto Normalabweicher.* URL: <http://viaf.org/viaf/57799763>.

И.В. Троицук, К.Г. Сохадзе

**POLITICAL CORRECTNESS, POSTMODERNISM AND NEOTRIBALISM:
A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE ON IDEOLOGY, INSTRUMENTS
AND CONSEQUENCES OF 'THE REVOLT OF THE MINORITIES'**

**BOOK REVIEW: *Ionin L.G. The Revolt of the Minorities.* —
M.; SPB.: UNIVERSITETSKAYA KNIGA, 2013. — 237 P.**

REFERENCES

- [1] *Dvorkin A.L. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovanija* [Sect Studies. Totalitarian Sects. An Example of a Systematic Study]. Nizhnij Novgorod, 2006.
- [2] *Ionin L.G. Sociologija kultury: put' v novoe tysjacheletie* [Sociology of Culture. A Way to the New Millenium]. M., 2000.